

Я. Ю. Коваленко

ЛЕКСИКА «АКТОВ ИВЕРСКОГО СВЯТООЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ» (1582–1706 гг.): ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые элементы лексического состава деловых документов Иверского монастыря на Валдае, отражающие процесс образования единого национального русского языка в XVII в.; исследуется взаимодействие литературного языка с русскими народными говорами и другими славянскими языками.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, историография, лексический состав, семантика.

LEXICON OF THE «CERTIFICATES OF IVERSKY SVYATOOZERSKY MONASTERY» (1582-1706) AS A REFLECTION OF THE PROCESS OF ADOPTING A UNIFORM RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE

Summary

The article gives the view of the lexicon of business documents of Iversky Svyatoozersky Monastery in Valdai as an example of the swift formation process of the uniform national Russian language in XVIIth century. Interaction and interrelation of the literary language with Russian national dialects and other Slavic languages is investigated in this article as well.

Key words: regional business writing, historiography, vocabulary, semantics.

Период с конца XVI по начало XVIII в. был особым в истории России. Это период образования и становления единого русского национального языка. Как писал Б. А. Ларин, «в это время шел интенсивный процесс централизации Московского государства, и роль приказного делопроизводства, которое обслуживало все сферы

социально-экономической жизни России этого периода, была особенно важной»¹.

В XVII в. усиливаются экономические и политические связи России с Западной Европой. Увеличивается количество иностранцев, посещающих Москву и другие города. В России начинают ближе знакомиться с западноевропейскими обычаями и просвещением. Особо важным был факт присоединения Украины к России в 50-х гг. XVII в., ведь благодаря этому получили распространение церковнославянские книги, издаваемые там в значительном количестве. Именно в этот период «приказный деловой язык становится центром системы формирующегося нового национального литературного языка»², так как «он отражал и закреплял в письменности явления, которые создавались и развивались в устах его носителей»³.

«Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706)» представляют собой различные по характеру деловые документы XVII–начала XVIII в., касающиеся строительства знаменитого Иверского монастыря на Валдае, и являются материальным свидетельством процессов, происходящих в то время в русском языке. Они дают богатый материал для исследования взаимодействия различных форм национального языка: литературного, просторечия и диалектов.

В 1652 г. патриарх Никон, с одобрения царя Алексея Михайловича, начал строительство большого монастыря на Валдайском озере по образцу Иверского монастыря на Афоне в Греции. Этим Никон желал осуществить преемственность Россией византийского наследия. На строительство из государственной казны были выделены огромные средства, было послано большое количество самых искусных мастеров из разных губерний.

Через два года из-за притеснений со стороны католиков-униатов в строящийся Иверский монастырь полностью переселилась братия белорусского Кутеинского монастыря на Орше. Среди монахов были выходцы из Белоруссии, Украины и Литвы. Вот что писал в своем дневнике посетивший Иверский монастырь в 1665 г. голландец Николаас Витсен: «Среди монахов здесь только двое русских, остальные все перекрещенные: белорусы, поляки, литовцы, татары и немцы...

¹ Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 25.

² Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 43.

³ Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957. С. 4.

Здесь я даже встретил одного перекрещенного силезца»⁴. Монахи привезли с собой свою типографию, что было новшеством для России, так как до этого в стране существовала только одна типография — Государев печатный двор в Москве. Патриарх Никон считал причиной многих проблем в современной ему церковной жизни недостаток грамотности духовенства и прихожан, отсутствие духовного просвещения... И за первые 8 лет белорусскими монахами было напечатано несколько церковных произведений. Кроме искусных мастеров-печатников в окрестности монастыря переселились жители белорусских городов Мстиславля и Копыся — мест, которые издавна славились производством кафеля, т. е. изразцов. Тогда же в монастыре была организована лучшая в стране изразцовая мастерская, ставшая поставщиком царского двора. Спустя 10 лет на Большом Церковном Соборе 1666–1667 гг. Никон был осужден, лишен сана патриарха и сослан в Ферапонтово, но созданный им Иверский монастырь еще долгое время оставался одним из центров духовного просвещения страны и местом, где зарождались и развивались ремесла.

Первые грамоты в «Актах» относятся ко времени правления царей Ивана Грозного и Федора Иоанновича, но число их незначительно. Основные документы, составляющие этот памятник, датируются серединой XVII в. — 1653–1666 гг. Это был так называемый патриарший период существования монастыря. И именно на этот период приходится появление в монастырских деловых документах большого числа диалектных слов, заимствованной южнославянской и иностранной лексики, неологизмов. Причем специфика данного памятника письменности заключается в том, что наряду с общерусской лексикой в нем обнаруживаются уникальные случаи употребления отдельных слов, своеобразие их значений и фиксацию можно проследить только в этом памятнике.

Например, в «Актах», в указанный период, можно найти много украинских и белорусских по происхождению слов, так как именно с Украины и Белоруссии, как уже упоминалось, приехало много мастеров на строительство Иверского монастыря. *«А хлопца Антошку, поговоря мы межъ себя съ отцемъ Максимомъ и отцемъ Деогеномъ, изъ Горжску отпустили на волю, потому что во всемъ его познали, что онъ плутъ, и въ дорогъ бѣ иные пакости не учинилъ, а дали ему платья: курту суконную лазоревую, да жупанъ сер-*

⁴ Извлечение из дневника Николааса Витсена «Путешествие в Московию». 1664–1665. СПб., 1996. С. 195–198.

мяжной бѣлой» (А. Ивер. м., с. 408, 1662 г.). Украинско-белорусское слово «**хлопец**» заимствовано из польского chłopiec ‘мальчик’ (Фасмер, т. 4, с. 245). Слово «**курта**» или «**куртка**» заимствовано через польское kurta, kurtra из латинского curtus ‘короткий’ (Фасмер, т. 2, с. 429). Слово «**жупан**» ‘короткий теплый верхний кафтан; теплая верхняя одежда, шуба, тулуп’ пришло в украинский и белорусский языки из чешского župan ‘халат’ и польск. żupan ‘род сюртука’ (Фасмер, т. 2, с. 66).

Или же другой пример присутствия украинско-белорусской лексики в «Иверских актах» — цитата из письма священника-белоруса, служившего в одной из церквей, приписанных к Иверскому монастырю (это письмо сохранилось среди монастырских деловых документов): *«Прошу васъ [архимандрита Антония и братию], сыны мое милая, не забивайте меня старага [Мелентия Богдановского], и на пана Степана [стряпчего] буте особливе ласкави; а панъ Степанъ устнѣ вамъ покаже о всемъ. А за тимъ самаго себе ласкамъ вашимъ одаю. Значи мѣсяца ноебря 27 дна, року 1694»* (А. Ивер. м., с. 947, 1694 г.). Лексема «**пан**» ‘господин’ — западнославянское слово, занесенное благодаря староверам далеко на север России (Фасмер, т. 3, с. 195). Старославянская форма «**ласкати**», «**ласка**» в значении ‘милость, благоденствие; быть милостивым, благосклонным, снисходительным’ широко использовалась в украинском и белорусском наречиях так же, как и в польском языке łaskati, łaskawy ‘милость’, но на основной русской территории она не была употребительна, хотя и понятна (Фасмер, т. 2, с. 461; СлРЯХІ–ХVII, вып. 8, с. 173–174). Лексема «**рок**» в значении ‘год, срок’ использовалась только в языке Юго-Западной Руси (украинская форма «**рік**», белорусская форма «**рок**» (Фасмер, т. 3, с. 497)).

Много в «Актах» заимствованных слов из западноевропейских языков. Особо любопытной оказалась история слов «**камин**» и «**орация**». Этимологический словарь М. Фасмера отмечает первую фиксацию в русском языке этих заимствованных слов с эпохи царствования Петра I: «камин» — через нем. Kamin из лат. caminus ‘очаг’ (Фасмер, т. 2, с. 174); «орация» ‘длинная речь’ через польское. oracja из лат. orātiō (Фасмер, т. 3, с. 149)». Но в «Актах Иверского монастыря» эти слова встретились гораздо раньше петровского времени... В 1657 г.! *«Пожалуй, великий государь [Никон], вели пожалованье прислати къ намъ каменщиковъ человекъ съ 20, для ради церковные починки и въ кельяхъ для **коминовъ**»* (А. Ивер. м., с. 258, 1657 г.); *«Да вамъ же бы Иверского монастыря изъ братьи убрать 12 братовъ, предъ царемъ*

и предъ нами [Никоном] **орацию** говорить, краткую и богословную и похвальную, за его къ вамъ царское посъщение» (А. Ивер. м., с. 292, 1657 г.).

То же можно сказать и о слове «**кафля**». «**Кафля**» — это ‘кирпич, облитый с лицевой стороны глазурью; изразец’ (через польск. kafla, kachla из нем. Kachel ‘изразец, плитка’ от лат. sassalus ‘горшок, посуда’ (Фасмер, т. 2, с. 212). Историко-этимологический словарь П. Черных отмечает, что «слово это появилось в языке лишь в петровскую эпоху, причем сначала преимущественно в форме ж. р. и с ‘х’ вместо нынешнего ‘ф’ — т. е. «кахля»⁵. Однако «Акты» свидетельствуют о том, что слово появилось в русском языке гораздо раньше — в середине XVII в. (!) — в то время, когда в монастыре было налажено первое отечественное изразцовое производство (СлРЯХІ–XVII, т. 7, с. 94]. «И мы [архимандрит Дионисий с братией]... отпустили къ тебѣ великому государю [Никону], на твой государевъ станъ во Тверь... двѣ печи мурамленыхъ съ розными красками, а числомъ въ тѣхъ печахъ 410 кафель, да три печи зеленыхъ кафель» (А. Ивер. м., с. 209, 1656 г.); «Се язъ... Илья Козминъ Сапаревъ, принялъ есми Пречистые Богородицы Иверского монастыря у властей... печныхъ... бѣлыхъ кафиль на одну печь, въ томъ имъ властемъ я Илья и отпись далъ» (А. Ивер. м., с. 1041, 1666 г.).

Так как белорусская братия перевезла с собой свою типографию, закономерно, что в «Актах» нашла отражение и лексика типографского дела. Например, слово «**пунсон**» (из французского poinçon ‘резное изображение, условный знак; клеймо; вырезанная ребром на стали буква, для отчеканки ее в меди (матрица)’ (Фасмер, т. 3, с. 406): «Печатный станокъ со всякимъ печатнымъ заводомъ и **пунсоны**» (А. Ивер. м., с. 692, 1667 г.). Стоит отметить, что наряду со словосочетанием «печатный станок» в тексте «Актов Иверского монастыря» равноправно функционирует и его юго-западный синоним «**друкарский стан**» (от укр. друк ‘рычаг, шест, жердь’, болг. дръг, чеш. drouh ‘рычаг, плечо рычага’ (Фасмер, т. 1, с. 543): «Въ твоей, великого господина [Никона], грамотѣ писано къ намъ богомолцомъ твоимъ, а вельно: буде есть у насъ два **друкарские станы**, или одинъ станъ и щюрунъ и азбуки, чимъ книги печатаютъ, и слова, прислатъ къ тебѣ» (А. Ивер. м., с. 560, 1665 г.). Словообразовательное же гнездо «**друкаръ — друкарня — друкарский**» по данным СлРЯХІ–XVII

⁵Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994. С. 388.

[вып. 4, с. 365] зафиксировано только в документах, касающихся деятельности Иверского монастыря.

В «Актах» содержится значительное количество диалектной лексики, представляющей собой московский говор, т. е. средневеликорусский, смешанный южный и северный говор. Например, лексема «**студенец**» ‘колодец; ключ из земли, родник’ (Даль, т. 4, с. 347) была употребительна как на территории Северной, так и на территории Южной Руси: «*Есть де часовня, построена на текущем студенце, новая; и намъ, преосвященному митрополиту, пожаловати бѣ ихъ, архимандрита съ братьею, велѣти на томъ источникѣ къ той часовни придѣлатъ олтарь*» (А. Ивер. м., с. 929, 1693 г.).

Но есть лексика и собственно севернорусская. Например, слова «**реж** (**режа**)» ‘бревенчатая решетка под строение, плотину, бревенчатый сруб под строение’ (СлРЯХІ–ХVII, вып. 15, с. 138] и «**повальша** (**повалуша**)» ‘неотапливаемое помещение, холодная горница (на подклете) различного назначения’ (Даль, т. 4, с. 120; СлРЯХІ–ХVII, вып. 22, с. 33): «*А хоромъ на дворѣ: двѣ горницы на подклетахъ съ сѣнми ветчаны, а кровли огнили, да у тѣхъ же сѣней **повальша** ветчана, кровля огнила, да баня на **режахъ** ветчана*» (А. Ивер. м., с. 112, 1654 г.). Кроме того, слово «**пова**’**льша**» еще употреблялось в Новгородской губернии в значении ‘кладовая’ (СРНГ, вып. 27, с. 218].

Материалы памятника и «Словаря русского языка ХІ–ХVII вв.» показывают, что большинство диалектной лексики начинает попадать в деловые источники именно в ХVII в. Например, в текстах «Актгов» отмечена лексема «**напрасница**» ‘ложное обвинение, клевета, наговор’: «*Платилъ [поп Никита Афанасьев] Ржевского уѣзду сыну боярскому Леонтию Доможирову, а по поличному приказного слуги Григорья Иванова платилъ я **напрасницы** 70 рублевъ денегъ*» (А. Ивер. м., с. 389, 1662 г.). «Словарь русского языка ХІ–ХVII вв.» (вып. 10, с. 192) показывает только известную нам форму «напраслина». А вот «Словарь русских народных говоров» (вып. 20, с. 96) отмечает, что на территории исконно новгородских земель, — т. е. в Псковской, Осташковской, Тверской, Петербургской и Олонецкой губерний — в народной речи одновременно использовалось три формы: «**напрасница**», «**напраслица**» и «**напраслина**».

Особенность «Актгов Иверского монастыря» как памятника деловой письменности состоит в том, что в нем отразились многие процессы образования и становления русского национального языка. Даже беглый обзор лексики памятника позволяет сделать заключение, что русский национальный язык в ХVII и начале ХVIII в.

действительно складывался на основе смешения славяно-русского языка и народно-диалектной речи с московским государственным языком и с западноевропейскими языками. В свою очередь, историческое исследование значений слов помогает глубже осознать лексико-семантические связи и взаимодействия литературного языка с русскими народно-областными говорами и другими славянскими языками.

Сокращения

- А. Ивер. м. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), изд. архимандритом Леонидом (Кавелиным) // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 5.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880–1886. Т. 1–4.
- СлРЯХІ–ХVІІ — Словарь русского языка ХІ–ХVІІ вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.–СПб., 1965–2007. — Вып. 1–41.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.